

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА ОБЪЕДИНИТЕЛЯ

Сергей Викторович Троицкий

доктор церковного права
профессор Московской духовной академии

Для цитирования: *Троицкий С. В.* Религиозная политика короля Александра Объединителя // Праксис. 2019. Т. 2. № 2. С. 109–127

Аннотация

УДК 348.031

С темой автокефалии Сербской Православной Церкви неразрывно связана тема восстановления её патриаршества после Первой мировой войны. В данной речи, произнесенной в день памяти святого Саввы в 1935 году, профессор С. В. Троицкий анализирует конфессиональную политику королевства Югославия и отмечает роль в этой политике короля Александра Карагеоргиевича (1888–1934).¹

Ключевые слова: конфессиональная политика, государственно-церковные отношения, королевство Югославия, Сербская Православная Церковь, Александр I Карагеоргиевич.

1 Святосавская речь 27.01.1935 на Юридическом факультете в г. Суботица (королевство Югославия). Перевод с сербского М. Д. Жоголевой. Перевод подготовлен при финансовой поддержке РФНФ в рамках научного проекта № 10-03-00401а.

Уже в пятнадцатый раз мы собираемся в стенах этого учреждения, чтобы почтить память крупнейшего сербского просветителя. И сейчас, когда подходит к концу пятнадцатый год существования нашего факультета, вполне естественно, что наша благодарность обращена к основателю факультета королю-витязу, объединителю, королю-мученику, чьи тёплые слова, произнесённые в Суботице по случаю десятилетия существования факультета, высеченные на этой стене золотыми буквами,² всегда будут его гордостью.

Многие уже говорили и писали о неизмеримых заслугах короля-объединителя перед отечеством и европейским миром, а сегодня я буду говорить о той сфере его деятельности, которая, мне, как канонисту, знакома гораздо лучше, т. е. о его религиозной политике. До сегодняшнего дня об этой стороне деятельности Александра мало говорилось и писалось, а между тем сам король-освободитель придавал религиозной политике огромное значение. В своей политической деятельности он полностью выполнил завет царя Душана — претворил в жизнь тысячелетний народный идеал о государственном единстве. Однако он понимал, что без духовного единства не может быть твёрдого политического единства, и в достижении этого духовного единства он видел «вторую часть завета царя Душана», как гласит его грамота об учреждении Сербской Патриархии.³ Александр знал и то, что тонкая проблема установления религиозного единства отнюдь не легче задачи установления государственного единства, и трудился над осуществлением этой цели очень энергично, но в то же время с большой осторожностью.

А сейчас обратимся к источникам, из которых возникла его политика, а затем к основополагающим принципам, которыми он руководствовался при проведении этой политики. Нет сомнений, что первым и главным источником его политики было его личное религиозное чувство.

- 2 «От всей души благодарен такому тёплому приему по случаю празднования десятилетия существования факультета в Суботице и с искренним удовольствием отдаю должное проведенному до сегодняшнего дня плодотворному труду и твёрдо убежден, что будет сохранено вдохновение молодого поколения, которое будет служить во благо своему народу и отечеству. Александр».
- 3 Речи короля-витязя Александра I Объединителя. Подготовили и опубликовали Р. Парезанин, Дж. Гаврилович. Београд, 1934. С. 56

Эту черту духовного облика отмечали ещё его коллеги и ученики русского Училища правоведения и Пажеского корпуса в Петербурге.⁴ Над кроватью Александра всегда висела большая икона Спасителя, которой он каждый день молился. Этот обычай, к которому он привык в России, продолжал соблюдать и на родине. Его дом в Белграде украшен многочисленными большими и старинными иконами церковных праздников и святителей, а в королевской спальне на отдельном столике всегда лежало Евангелие, именно то, которое король Петр пронёс через Албанию в день народного несчастья. Александр свято соблюдал религиозные каноны. В Королевском доме регулярно совершались обряды освящения воды и празднования в честь святого апостола Андрея, каждый год он постился, исповедовался и причащался, любое новое здание освящали, а народные религиозные обычаи венчания, крещения детей, сочельник и Рождество он соблюдал с глубоким почтением. Он был кумом для многих крестьянских семейств. «Если работать без веры в Бога, пользы не будет», — говорил король, когда украшали мозаикой церковь на Опленаче.⁵ И эти слова служили напутствием всей его деятельности.

В тяжёлые минуты, а таких моментов в многострадальной жизни короля было много, и, прежде всего, когда нужно было принять важное решение, он отправлялся в Опленач или какой-нибудь монастырь и проводил там несколько часов в молитвах и размышлениях. Так он находил успокоение и новые силы для великих свершений и решительных шагов. Особенно часто он посещал маленькую церковь на вершине Каймакчалана, где взывал к Богу и молился за победу своего народа. И перед своей последней роковой поездкой во Францию 6 октября, всего за три дня до гибели, он пришёл в монастырь Саввы, полчаса провёл в молитве, взял четыре восковые свечи, затем зажёл одну, перекрестился, поцеловал свечу и поставил на подсвечник, а затем лично позвонил в монастырский колокол, как будто объявляя своему народу, что идёт на свою марсельскую Голгофу.

О глубине его религиозности свидетельствуют его многочисленные пожертвования как православным, так и католическим храмам:

4 Его коллега по Училищу правоведения г. Немирович-Данченко пишет в статье «Друг России»: «Александр с малолетства был очень религиозным человеком. В изголовье его кровати всегда висела икона с образом Спасителя, которой он молился Богу, когда приходил в спальню. Он постоянно ходил с нами в церковь, набожно стоял все время Богослужения» // *Иллюстрированная Россия*. 1934. № 43. С. 13.

5 См.: *Ль. Митрович-Мирољуб*. О камени Темельцу Христове Цркве. Београд, 1931.

колокола, церковные одеяния, кадила, кресты и книги; а также беспокойство о сохранении и восстановлении старых церквей и монастырей. Вечным памятником религиозности короля будет место его упокоения — Опленач. К Опленачу король всегда имел особый интерес, гораздо больший, чем ко двору своего деда в Белграде. Он не щадил ни средств, ни времени на Опленач, вникал в мельчайшие детали этого музея средневекового сербского искусства. Он знал здесь не просто каждую картину, а, можно сказать, каждый камешек в мозаике, как будто предчувствовал, что в скором времени Опленач станет его вечной резиденцией. О его глубокой религиозности свидетельствуют его речи, собранные и изданные в конце прошлого 1934 года: все они пронизаны религиозным чувством, повсюду⁶ король говорит о своей молитве Богу, о вере в Него и о твёрдой надежде на Его помощь. А некоторые слова короля, которые он говорил своей армии в тяжёлые минуты мировой войны, например его Пасхальные и Рождественские речи 1916 года на о. Корфу, речь на Пасху в 1918 году в Солуни,⁷ очень похожи на настоящую проповедь. И в завершение, как ещё одно важное доказательство его внимательного отношения к вере, служит тот факт, что практически все нормы закона о различных вероисповеданиях были приняты именно в то время, когда законодательной властью обладал сам король, поэтому можно сказать, что югославянское религиозное законодательство — королевское законодательство. Многие вопросы религиозной политики были решены в пользу вероисповедания только благодаря личному вмешательству короля.

Загребский архиепископ Бауэр поясняет, что каждый раз все трудности, которые возникали перед югославским католиками, можно было уладить, только обратившись лично к Его Величеству. Например, вопрос о теологической науке, которую антиклерикалы хотели полностью ликвидировать.

Религиозность короля была не просто сильной и глубокой, но и носила здравый и природный характер. Он не страдал от каких-либо заболеваний в своей религиозной жизни, от которых страдали многие правители. В его гармоничной природе не видно никаких болезненных преувеличений или извращённого религиозного чувства. Он был хорошим христианином, но не был ни фанатиком, ни ригористом, ни клерикалом, ни суевером. Он был представителем здорового направления религиозной жизни, которое американские психологи называют

6 Речи... С. 6, 11, 12, 13, 15, 17, 18, 20, 22–26 и др.

7 Речи... С. 22–25.

«религиозным прагматизмом». Он хорошо усвоил христианскую истину о том, что без дела, вера сама по себе мертва (Иак. 2, 17) и всегда ставил на первое место осуществление той жизненной цели, которая была возложена на него свыше, — спасение и объединение своего народа. Он знал слова из Евангелия: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13), и вся его жизнь была одним большим подвигом непрерывного жертвования своей жизни во имя своего народа. Народная молва наградила его титулом «король-витязь», но его героизм вырос на христианском поприще и без этой постоянной самоотверженности, без самопожертвования не может быть настоящего героизма. Одним словом, его верой была религия долга перед Отечеством и своим народом. Свой судьбоносный государственный акт 6 января 1929 года⁸ он закончил такими словами: «Служба народу — самая святая служба». Он говорил то, что думал, и работал всегда так же.

Несмотря на то, что Александр на первое место ставил свою просветительскую миссию, он никогда не забывал ни о национальном вопросе, ни о нищете, голодающих и жаждущих. Его благотворительные пожертвования, фонды, стипендии и взносы в большинстве своём расходились по всем уголкам нашей родины. Он всегда был там, где были страдания и горе, где он мог утереть слёзы несчастных.

Религиозность короля носила не только здравый и глубокий характер, но и была очень широка. Она была так широка, как широко истинное христианство без проявлений его клерикальных искажений. Он знал, что стены, разделяющие вероисповедания, не достигают небес. Он знал, что точки в радиусе круга, чем ближе к центру, тем ближе между собой. Так и люди: чем ближе они к Богу, тем ближе они друг к другу, и поэтому истинная религиозность может только сближать, а не разделять людей. И будучи настоящим чадом Церкви своих предков, он не терпел религиозной борьбы, соперничества между верами, которые под маской религиозных интересов всегда скрывают человеческий эгоизм и людские страсти. В этом смысле король был до мозга костей верен традициям православия старых сербских правителей, покровительствовавших другим вероисповеданиям. Великий сербский князь Неманя высылал средства церкви св. Николы в Баре и св. Петра в Риме, Стефан Первовенчанский поддерживал связи с Римом, а Милутин передал огромные территории католическому монастырю и приглашал в качестве свидетелей православных и католических епископов и даже старца-богомила. В то же время король был лучшим последователем великого югослава

епископа Штросмайера, который в 1877 году писал в своём послании: «Вера, которая бы сеяла раздор между братьями, не была бы верой, а суеверием; не была бы Божьей истиной, а развратом людским».

«Пусть Господь Бог... вдохновит Вашу Светлость на мудрость, дабы вести вперёд Сербскую Православную Церковь в братской любви и согласии с другими вероисповеданиями в Королевстве Югославия в её служении Богу и моральном просвещении народа», — говорил король Патриарху Варнаве 13 апреля 1930 года по случаю его рукоположения.⁹ Один из церковных деятелей абсолютно правильно писал о короле, обращаясь к его словам, что «как настоящий сын Православной Церкви, он с полным правом мог называть “своей” или “нашей” любую христианскую церковь».¹⁰

Двигаться в том же направлении его заставляли как объективные, так и один субъективный фактор, а именно характер его личной религиозности. В религиозном плане созданное им Королевство Югославия уже не было тем, чем была старая патриархальная Сербия, в которой были практически только православные жители, где неправославного населения было настолько мало, что оно долгое время даже не учитывалось в государственном законодательстве и в расчёт принимались только православные. Уже упоминавшийся мирный договор, подписанием которого завершилась Балканская война, изменил ту религиозную однородность Сербии и вынудил сербское правительство подписать конкордат в 1914 году. Договоры, подписанные после завершения Мировой войны, обеспечили большинство неправославного населения.¹¹ В результате сербская система государственной религии, которая основывалась частично на идее византийского двуединства, а частично на западном принципе государственной религии, должна была быть уничтожена.

Помимо этих двух факторов — характера личной религиозности короля и религиозный состав Югославии — необходимо обратить внимание на третий, на влияние со стороны, на либеральные идеи,

9 Речи... С. 77.

10 Речь епископа М. Калоджере // «Старокатолик» 1934. № 10. С. 5–6.

11 По данным переписи населения от 31.01.1921, православные составляли 46,6 %, католики — 39,4 %, мусульмане — 11 %, евангелисты — 1,8 %, иудеи — 0,5 %, греко-католики — 0,4 %, другие — 0,2 %. Новая перепись населения от 31.01.1931 даёт следующие цифры: православные — 48,7 %, римо-католики — 34,45 %, греко- и армяно-католики — 0,32 %, старокатолики — 0,05 %, евангелисты, лютеране — 1,26 %, мусульмане — 11,20 %, евреи — 0,49 %, атеисты — 0,01 %.

которые, сейчас можно сказать, витали в воздухе всего культурного мира и которые без сомнения влияли на наши законодательные факторы.¹²

Если перейти от этих фактов к идеям, которые пытался воплотить король в своей церковной политике, то мы увидим, что эти идеи полностью соответствуют как характеру его личной религиозности, так и основным государственным потребностям. Это такие идеи, как: а) идея свободы вероисповедания, как отдельного человека, так и религиозных организаций, б) право открыто исповедовать религию, в) право на привилегии и, наконец, г) равноправие всех религиозных организаций.

А) Древняя христианская Церковь высоко ценила свободу вероисповедания. Писатель III века Лактанций говорит, что религия может существовать только там, где существует свобода, и она исчезает, как только исчезает свобода, и что истину нужно защищать *verbis, non verberibus*, (словами, а не пощёчинами). По сути, Церковь, которая находится в рабстве у государства, а значит и в моральном параличе, не может служить хранителем моральной силы ни общества, ни государства и тогда оказывается не нужной ни первому, ни второму. К сожалению, история Церкви свидетельствует, что этот принцип постоянно попирается и было бы тяжело точно сказать, кто в этом больше виноват — представители государственной власти или представители самой Церкви. Ограничения свободы вероисповедания существовали и в довоенной Сербии, когда действовала система с государственной православной верой и с запретом прозелитизма других вероисповеданий. Однако югославское законодательство осуществляет идею свободы вероисповедания в очень широком объёме.

Эта идея, провозглашённая ещё в декларации регента Александра в 1919 г., красной нитью проходит через все наши законодательные акты, связанные с вероисповеданием, а особенно чётко отражена в Видовданской и Сентябрьской Конституциях, которые узаконили полную свободу совести и вероисповедания для всех граждан. Другими словами, все граждане имеют право не только исповедовать любую религию, но также обладают свободой не придерживаться никакой веры, а в случае когда кто-то принадлежит к какой-либо вере, то никто не может его заставлять открыто подтверждать своё вероисповедание или участвовать в актах, церемониях и обрядах, а равно подпадать под власть другого лица.

12 Чтобы доказать это, достаточно сравнить 12 ст. Видовданской конституции и 11 ст. Сентябрьской конституции с ст. 14 австрийского Основного государственного закона от 21.12.1867 (ном. 142), или со статьёй 111 и 112 Конституции Польши от 04.03.1921 и наконец с § 137–141 Веймарской конституции 1919 г.

Государственные конституции запрещают не только любое косвенное принуждение граждан совершать вероисповедальные обряды, но и предоставление, а равно и ущемление политических прав, поскольку по Конституции «осуществление этого права не зависит от вероисповедания». Эта свобода личности подразумевает под собой лишь одно ограничение. Государство не признаёт свободу исповедания той веры, чьи законы противоречат общественному порядку и морали. Из чего следует статья Конституции о том, что никто не может быть освобождён от своих гражданских обязанностей в связи с законами своей веры. Но это ограничение лишь на первый взгляд ограничивает свободу вероисповедания, так как это ограничение возникает из самой сути религии, которая всегда служит основой общественного порядка и морали. И если некая религиозная организация противоречит общественному порядку и морали, то становится ясно, что речь идёт об извращённой форме религиозной жизни, которая не может пользоваться теми правами, которыми наделены вероисповедания. По крайней мере, так учил Основатель христианской религии, Который и сам платил налог и заповедовал, что нужно отдавать кесарю то, что ему принадлежит.

В нашей стране свобода вероисповедания гарантирована не только каждому человеку в отдельности, но и религиозным организациям. «Принятые и признанные религии самостоятельно устраивают свою внутреннюю деятельность и распоряжаются своими средствами и фондами в рамках закона» — гласит конституция, её дублируют другие законы об отдельных вероисповеданиях.

Закреплённая здесь свобода вероисповедания называется автономией. В качестве автономных религиозные организации осуществляют свою деятельность в соответствии с законом, и над ними осуществляется формальный надзор со стороны государства, но они не находятся в распоряжении государственных органов. Разумеется, автономия — это ещё не полная самостоятельность, а лишь самостоятельность в границах закона, которые принимает государство. В этом отношении положение Церкви в нашей стране похоже на положение локальных политических областей с самоуправлением (например, бановина, општина). Однако здесь существует существенное отличие. Религиозные организации, в отличие от политических областей с самоуправлением, созданы не государством и не выполняют государственных задач. Они возникли сами по себе и имеют свои определённые цели и поэтому не соединяются с государством, как другие

образования с самоуправлением. Ещё одно отличие заключается в том, что религиозные общины организованы на своей отдельной базе, в то время как бановины и општины основываются на территориальном принципе.

Те границы, которые наше государство установило для вероисповеданий своим законодательством, не лишают их свободы, прежде всего потому, что эти законы были установлены не только по воле государства, но и основывались на договоре с представителями религий и выражали волю не только правительства, но и самих церквей. Перед установлением законодательства в отношении вероисповедания в нашей стране, в 1921 году среди представителей разных религий по всей стране был проведён опрос, и таким образом государство заложило в основу своего законодательства мнения и просьбы самих верующих. И позднее, когда в стране готовился закон о свободе вероисповедания, то уже де-юре или де-факто всегда принималась во внимание воля самих церквей. Отношения с Римско-католической Церковью должны регулироваться односторонним государственным законодательным актом, а не договором с Ватиканом, т. е. конкордатом, — этот принцип несколько раз был официально объявлен государственным фактором. Что касается других религий, то здесь перед изданием законов о вероисповедании были проведены переговоры с представителями других религий, а в отдельных случаях на основе этих переговоров были собраны *suī generis* административные конкордаты, в большинстве случаев устные, а иногда даже и письменные.¹³ Таким образом, наше законодательство в области регулирования религиозных отношений похоже на законодательство некоторых европейских стран, например Германии или Польши,¹⁴ и фактически принят принцип договорённости

13 Например, 18.5.1926 г. такой письменный административный «конкордат» из 15 параграфов был составлен министром по религиозным вопросам и синодом Сербской Православной Церкви (Син. № 997). Некоторые пункты этого «конкордата» вошли позднее в 1929 г. в Закон о Сербской Православной Церкви.

14 Австро-Венгрия 31.3.1880 г. подписала конвенцию (по сути, конкордат) с Константинопольской церковью о православных епархиях в Боснии и Герцеговине. Бавария заключила договор 15.10.1924 г. с евангелистско-лютеранской церковью на правом берегу Рейна и с объединённой евангелистской церковью в Пфальце. 11.5.1931 г. Пруссия заключила договор с прусской Евангелическо-лютеранской церковью, который был ратифицирован 26.6.1831 г. Статья 115 Конституции Польши гласит: «Церкви религиозных меньшинств и другие, признанные законом организации, управляются по своим законам власти, которые государство признаёт, если они не будут содержать в себе никаких правил, противоречащих государственным законам. Отношения государства с такими церквями будут определены путём установления закона по договору с его законными

в регулировании государственных отношений не только с Римско-католической Церковью, но и с другими вероисповеданиями.

Наши государственные законы об отдельных конфессиях¹⁵ практически не касаются их внутреннего устройства и в большинстве случаев, регулируют лишь их внешние связи с государством. Между тем, их внутреннее устройство не регулировалось ни государственными правовыми актами, ни собственными религиозными уставами,¹⁶ которые были разработаны представителями вероисповеданий в соответствии с религиозными учениями, которые правительство лишь одобрило. Эти религиозные уставы ни в коей мере не могут быть изменены правительством в одностороннем порядке. Более того, государство даже не обладает правом инициативы в этих вопросах, так что устройство религиозных организаций не зависит от обычных партийных изменений государственной политики.¹⁷ Что касается утверждения религиозных уставов со стороны государства, то это даже полезно для самих вероисповеданий, потому как эти уставы показывают бессилие властей с точки зрения государственных законов, в то время как сами уставы могут быть изменены только по инициативе компетентной религиозной власти.

Эти уставы гарантируют религиозным организациям полную независимость и широкие законные права, и на основе этих прав представители каждой религии могут свободно устанавливать нормы,

представителями (см.: проф. М. Зызикин. О церковной самостоятельности в новейших построениях церковно-государственных отношений. Варшава, 1932, подробнее мои статьи: "Международная защита религиозных прав" (Архив за правнеи друштвене науке, 1925, фебр./март, особенно с. 199–209) и "Международная правная способность церкви", "Хришћ. Живот" 1926, сентябрь. С. 344–356 о принципе церковно-государственного договора в Сербии в „Проблем црквеног законодавства“. Ниш, 1926, с. 11-13).

- 15 Это: а) Закон о Сербской православной церкви от 8.11.1929 г. (Служб. Новине од 16.11.1929 г № 269), б) Закон о религиозной общине Евреев от 29.12.1929 г. (Служб. Новине от 1919, № 301-LXXII), Закон об исламской религиозной общине от 31.1.1930 г. (Служб. Новине от 4.11.1930, № 29-X) и г) Закон о евангелическо-христианских церквях и реформированной христианской церкви т 16.4.1930 г. (Служб. Новине от 26.4.1930 г, № 95-XXXVII).
- 16 Это следующие уставы: а) Исламской религиозной общины от 9.7.1930 г, (Служб. Новине от 25.7.1930 г., № 161), б) Немецкие евангелистские христианские церкви аугсбургской традиции от 19.11.1930 г., (Служб. Новине от 22.12.1930 г., № 293-CI), в) Сербской Православной Церкви от 16.11.1931 г., (Служб. Новине от 24.11.1931 г. № 244), г) Словацких евангелистских христианской церкви аугсбургской традиции от 24.6.1932 г., (Служб. Новине от 16.7.1932 г., № 161-LXXII), д) Реформированной христианской Церкви от 1.5.1933 г. (Служб. Новине от 8.6.1933, № 126-XXVI)
- 17 См. например, Устав Сербской Православной Церкви, ст. 278; Устав реформ. Церкви § 19; Устав Словацкой церкви § 124; став Немецкой церкви § 107; Устав Исламской общины § 118.

правила, издавать своды законов, которые не должны никем одобряться. О широте свободы действий свидетельствует и тот факт, что на её основе некоторые конфессии (сначала немецкая Евангелистская, а затем и Православная Церковь) издают свои статуты собственного брачного права, которые и в настоящее время имеют силу для государства. Религиозные организации также имеют право создавать и открывать свои внутренние объединения и учреждения, лишь с одним ограничением: эти внутренние религиозные объединения не могут иметь ни партийно-политических целей, ни целей физического воспитания.¹⁸

С точки зрения управления и суда автономия религиозных организаций ещё шире, чем в плане законодательства. Государство абсолютно не вмешивается в самую важную для религии область — в область религиозного и морального учения и богослужения. И если государство оставило за собой право утверждать глав религиозных общин, то не стоит забывать, что эти деятели в то же время поддерживают отношения с государством и в некотором смысле похожи на дипломатических представителей, для назначения которых чаще всего необходимо согласие государства, для работы в котором они аккредитованы. Широкая имущественная религиозная автономия ограничивается только формальным надзором, надзором по соблюдению законности, а не целесообразности. Кроме того, это небольшое ограничение религиозной автономии у нас вызвано не негативным отношением к вере, а необходимостью, связанной с другой важной привилегией, которой у нас пользуются религии, — их свободой общественной деятельности.

Б) Наше государство не воспринимает религиозные организации индифферентно как частные объединения, а видит в них полезные для общества и государства факторы, влияющие на духовную культуру, и поэтому предоставляет им права публичных государственных учреждений и оказывает им свою помощь. У нас религиозные организации не только имеют право открытого *вероисповедования*, т. е. право открыто совершать богослужение, религиозные процессии, звон в колокола и т. д., но и право *распоряжения*, на основе которого официальные религиозные акты имеют характер общественных актов, так что они переплетены с правовыми последствиями, не зависящими от воли частных лиц. А поскольку сами религии не имеют внешних сил, своей полиции, своей армии, отсюда возникает их право в своей официальной деятельности опираться на помощь со стороны административных и судебных властей, например: при сборе дополнительных

налогов, вынесении вердикта суда при исполнении приговора религиозного суда и т. д.

С правом открытого вероисповедания связано также привилегированное положение лиц, несущих на себе общественные функции, т. е. священнослужителей. Священнослужители обладают усиленной уголовно-правовой защитой. Во многих своих личных и имущественных привилегиях (или с точки зрения личной и имущественной неприкосновенности) они приравниваются к государственным чиновникам, а в отношении военной службы имеют перед ними преимущество.

Для конфессий ещё более важное значение, чем эта административно-полицейская поддержка и привилегии для священнослужителей, имеет помощь, которую они получают от государства при проведении своей образовательной миссии в школах и в своём собственном обеспечении. Хоть Видовданская Конституция и говорит только о факультативном преподавании Закона Божьего («по желанию родителей»), а в Сентябрьской конституции вообще не упоминается о религиозном образовании, новый закон об основных, педагогических, средних и специальных школах обеспечивает обязательное преподавание Закона Божьего в этих учебных заведениях. Кроме того, государство берёт на себя расходы по содержанию учителей по религиозным дисциплинам, в основных школах частично, а во всех остальных полностью. Государство также взяло на себя расходы по содержанию религиозных богословских школ, которые служат для подготовки будущих священнослужителей. При этом начальная и средняя школы полностью подчинены религиозной власти, а на высших богословских факультетах свобода университетской науки ограничена ради конфессиональных интересов правом надзора церковной власти и её правом veto в отношении преподавателей, которые могли бы отступить от религиозных догм. Особенно в этом отношении в благоприятной ситуации находилась Римско-католическая Церковь, которая кроме восьми богословий имела три богословских факультета, в то время как Православная Церковь имела только один. Свобода преподавания во всех религиозных учебных заведениях ограничивается государством лишь государственным надзором и одним единственным требованием государственной конституции, что «все школы должны давать моральное воспитание и развивать гражданскую сознательность в духе народного единства и веротерпимости» (ст. 16., пар. 3, 4).

Особенное внимание в высшей государственной школе уделено изучению устройства религиозных организаций. Церковное право преподаётся не только на богословском и философском факультетах,

но и на юридическом факультете. А на юридическом факультете Белградского университета преподаются и законы шариата.¹⁹

В) Государство содержит не только богословские школы, но и предоставляет значительную финансовую помощь на содержание других церковных учреждений. Каждый год в государственном бюджете предусматривается сумма на помощь религиозным организациям в размере около 100 000 000 динар.²⁰ Ни по старой, ни по новой конституции государство не обязано помогать церквям и оказывает содействие лишь на своё усмотрение, если бюджет это позволяет. Однако в то же время в конституции прописано, что если бюджет предусматривает подобную помощь, то она должна быть распределена между конфессиями сообразно числу их верующих и их потребностям. Однако законы об отдельных религиях изменили это конституционное правило в пользу Церкви. А именно они признали за отдельными церквями постоянное право на всю сумму расходов, одобренных последним государственным бюджетом на содержание церковных органов, организаций и лиц. Эти средства переходили от государства соответствующей религиозной общине. В итоге одновременно с тем, что в последние годы все расходы на государственные учреждения урезаются, размер помощи церквям остаётся тем же и даже увеличивается. Только те церкви, чьё положение ещё не урегулировано законодательными актами (Римско-католическая и Старокатолическая) не получают полной государственной помощи, но не страдают от этого, поскольку государство выделяет необходимые суммы на содержание школ и духовных лиц.

Государственная материальная поддержка религиозных организаций не ограничивается бюджетом. Государство оказывает значительную помощь и другими методами — путём сбора налогов и церковных поборов своими финансовыми органами, путём узаконивания расценок на официальные услуги церковных властей, путём содержания священнослужителей в армии, на казённых предприятиях и в других государственных организациях, путём законодательного регулирования помощи на религиозные цели от политических общин и регионов с самоуправлением, путём освобождения части церковного имущества от прямых налогов (иммунитет на собственность) и т. д.

19 См.: *Троицки С.* Место Црквеного права на правним факултетима. Ср. Карловци, 1933.

20 Из бюджета за 1934–1935 г. на помощь религиозным конфессиям всего было выделено 100 168 813 динаров, в том числе 83 244 127 дин. на содержание религиозных учреждений и 16 894 068 дин. на содержание религиозных школ.

Г) Все эти права и привилегии религиозные организации получают на основе строгих принципов справедливости. Система, при которой в привилегированном положении находится только одна Православная Церковь, имеет под собой некую основу, которая вытекает из её исторических заслуг, а также из числа её паствы, их гораздо больше, чем людей, исповедующих другие религии, и из религиозной принадлежности главы государства. Такая система, которая и сейчас существует во многих странах, например в Польше, Болгарии и Румынии, была упразднена в нашей стране одним из первых государственных актов нового королевства — прокламацией регента Александра от 6 января 1919 года,²¹ и заменена системой равноправности религий и паритета. Закон о переходе на единый календарь от 01.01.1919 заменил православный юлианский календарь на общий для всех западный григорианский.

Распоряжение от 31.07.1919 об учреждении министерства по религиозным делам поставило перед этим министерством задачу обеспечить последовательное выполнение основного принципа равноправия всех признанных законом вероисповеданий в королевстве.

Наконец, государственная конституция гласит: «Все признанные вероисповедания равны перед законом». Отсюда следует, что в конституции не говорится о равноправии вообще всех вероисповеданий, а только тех, которые признаны государством. Однако на практике это ограничение не имеет значения, поскольку всё население нашего королевства составляют представители всего шести официальных религий (православные, римо-католики, мусульмане, евангелисты, иудеи и старокатолики), в то время как представители других вероисповеданий составляют незначительное меньшинство (всего одну восьмую часть процента²²) и большинство из них рассеяны по всей территории королевства без какой-либо организации. Однако эти религиозные течения могут быть признаны государством путём принятия соответствующего закона.

В государственных конституциях говорится не о конкретных церквях, а обо всех религиях в целом. Единственное исключение составляет ислам. В связи с особенностями семейных отношений у мусульман условия Сен-Жерменского договора гарантируют шариатскому суду право регулировать семейно-родственные отношения и вопросы наследования (ст. 100) — привилегия, которой мусульмане сейчас

21 Это будет... гарантировать свободу и равноправие религий // Речи... С. 40.

22 По статистическим данным за 31.01.1931 представители других вероисповеданий составляли лишь 0,12 %.

не обладают даже в Турции. Это равноправие существует не просто на бумаге, а осуществляется на деле. Ярким примером этого может служить распределение государственной помощи между конфессиями. Как уже говорилось, средства должны распределяться пропорционально числу верующих и по необходимости. Если рассмотреть первый из критериев, по которому государственные средства между конфессиями распределяются в соответствии с числом верующих, то видно, что суммы, выделяемые для наиболее многочисленных конфессий, Православной и Римско-католической церковью, соответствуют числу их верующих. Между тем религии с меньшим числом верующих получают относительно крупную государственную помощь²³ и находятся в привилегированном положении. Однако здесь стоит принять во внимание общий экономический закон, что чем меньше организация, тем всегда больше организационные затраты.

Кроме того, необходимо учитывать и особенности в устройстве отдельных вероисповеданий, например celibат католического клира, имущество самих церквей, и признать, что фактическое распределение средств между конфессиями близко к идеальной модели справедливости и полностью соответствует требованиям конституции, чтобы государственная помощь распределялась в соответствии с потребностями церковных организаций. И как это сильно отличается, например, от Польши, где, несмотря на конституцию, Православная Церковь получает в несколько раз меньше государственных субсидий, чем в соответствии с числом верующих ей положено по закону. Точно так же о конфессиональном равноправии свидетельствует закон об отдельных вероисповеданиях — православии, мусульманстве, иудаизме и евангелистской церкви — практически все имеют одинаковые права, и если между ними существует незначительная разница, то она вызвана различиями в устройстве самих церковных организаций и нет никаких различий в отношении них со стороны государства.

Такое положение религиозных организаций в нашей стране было создано благодаря религиозной политике покойного короля. Разумеется, мы не можем утверждать, что эта политика выполнила всё, что нужно было сделать. В нашем религиозном законодательстве до сих пор существуют большие лакуны, которые часто имеют

23 Если условно взять размер помощи, которую получают старокатолики, за 100, условными цифрами по числу верующих и сторонников остальных вероисповеданий были бы следующими: евреи — 29 %, мусульмане — 21 %, православные — 12 %, католики — 11 %, протестанты — 11 %.

неблагоприятные социальные и государственные последствия. Прежде всего это то, что до сегодняшнего дня у нас нет общего закона о межрелигиозных отношениях, вследствие чего часто происходят коллизии между государственными законами и статутами отдельных вероисповеданий, особенно в области брачного права. Однако работа в этом направлении была начата ещё десять лет назад. Кроме того, ещё не существует закона о положении и устройстве Римско-католической Церкви, но поскольку издание таких законов зависит от договора (от конкордата) с центральной властью Римско-католической Церкви, и было бы неправильным возлагать всю ответственность только на государство.²⁴ Даже на подписание договора с Православной Церковью, учитывая её устройство и положение в стране, потребовалось десять лет. Напоследок можно также отметить, что в законодательстве нашей религиозной политики нет полной согласованности в реализации единой правовой теории об отношениях между церковью и государством. А в религиозных законах, за исключением паритетно-правовой теории, мы можем найти отголоски других теорий — теории координации и теории государственной Церкви. Однако, как это верно отмечает профессор Н. Суворов,²⁵ подобной согласованности нет ни в одном религиозном законодательстве в Европе.

Кроме того, большая часть недостатков и лакун нашего религиозного законодательства находит своё объяснение и оправдание в недостатке времени и политических возможностей. Если сравнивать нашу религиозную политику с политикой других стран, то можно с полной уверенностью утверждать, что она предоставляет различным верам гораздо лучшее положение, чем в тех государствах, где отдаётся предпочтение большинству. Нет никаких сомнений, что положение Православной Церкви в нашей стране гораздо лучше, чем в России и даже в Греции, что протестантская церковь находится в лучших условиях, чем в самой Германии, а некоторые представители Протестантской церкви после смерти короля даже делали официальные заявления, что нигде в мире протестанты не имеют таких хороших условий. Что касается иудеев, то я лично слышал 28.10.1934 г. подобное заявление от их представителей на траурном заседании в Суботице. Без сомнения, и ислам пользуется большими свободами у нас, чем

24 Об этом см.: *Др. Михаило Лановћ*. Конкордат Југославије са Ватиканом. Београд, 1925.

25 «Существующая в различных европейских странах система церковно-государственных отношений является беспринципной смесью фрагментов различных систем» // *Суворов. Н. С. Учебник церковного права*. М, 1908. С. 435.

даже в самой Турции. Тяжело найти такую страну, где бы положение Старокатолической церкви было бы лучше, чем у нас. А поскольку, как мы уже видели, в Сербии все вероисповедания равноправны, то мы можем с уверенностью сделать вывод, что условия для всех религиозных течений, созданные покойным королём, очень благоприятны и все вероисповедания обладают всем необходимым для спокойной и плодотворной работы над осуществлением своих возвышенных задач духовного развития своих верующих.

Деятельность покойного короля как защитника религиозных интересов не ограничивалась территорией Югославии или одной Сербии. Он был *fidei defensor* — выступал за веру везде, где это было нужно. Его защитой и поддержкой прежде всего пользовалась Русская Православная Церковь в эмиграции. Протокол Лозаннской конференции 1923 г. свидетельствует, что первый иерарх Православной Церкви — Константинопольский патриарх, не лишился своего престола в Константинополе, чего требовала Турция, только благодаря заступничеству представителя нашей страны. Король защищал интересы и Иерусалимской церкви в Палестине, и интересы славянских монахов на Святой Горе. В то же время он был крупнейшим идеологом примирения и сближения всех Православных церквей, и прежде всего Сербской и Болгарской. Глава Польской Церкви митрополит Дионисий по праву называл его защитником единства всех Православных церквей.²⁶ Делегация, прибывшая на похороны короля от Константинопольской Церкви, и телеграммы, присланные главами всех Православных церквей, свидетельствуют об огромных заслугах короля-объединителя перед всем православным миром.

Вот так широко понимал взятую на себя задачу осуществления второй части завета царя Душана ныне покойный король, а именно — осуществление не только политического, но и духовного единства своего народа и каких грандиозных успехов он достиг на этом поприще. Он не только объединил разрозненные части Сербской Православной Церкви и восстановил Сербский патриархат, не только создал все условия для мирного и плодотворного сотрудничества всех вероисповеданий в нашей стране, но и также старался решить эти вопросы и вне границ своего государства. В этом смысле его деятельность напоминает нам великого славянина, со дня смерти которого прошло уже почти 700 лет, о святом Савве, который точно так же всю свою жизнь посвятил примирению и сближению православных государств и церквей.

26 Телеграмма от 10.10.1924 г. // «Гласник Петар». № 32–33. С. 501.

Однако сродни тому, как король в политической деятельности не ограничивался лишь своим народом, а трудился ещё и на благо мира во всей Европе, так же и в своей религиозной политике он не оставался в рамках своего государства и Православной Церкви, а был вдохновлён святой мечтой об объединении христианских церквей и прежде всего Православной и Римско-католической. Причём это объединение он представлял себе немного иначе, чем сторонники заключения унии с Римом. Об этом свидетельствует одна очень информированная персона Римско-католической церкви в лондонском журнале «The Universe»:

«Король Югославии Александр, чья смерть сильно сказалась на всём культурном мире, был набожным и искренним христианином. Воспитанный в традициях Православной Церкви, он всегда оставался верен своей религии. Одним из самых больших его желаний было сблизить его подданных, исповедующих две христианские конфессии. Однажды он мне сказал: “Вероятно вы, католики, по-другому рассматриваете новое объединение церквей, нежели я, но перед тем, как мы дойдём до этой стадии дискуссии, обе стороны должны сделать всё, от них зависящее. Необходимо большее понимание между католиками и православными...”»

Разумеется, эти слова короля Александра, взятые из случайного разговора, не дают нам полного представления о его программе. Но всё же они дают ясные и ценные сведения о том, что благодаря своей высокой духовности, он занимался такими важными и тяжёлыми проблемами широкой религиозной политики, которыми занимались другие великие славяне, начиная с Штросмайера и Владимира Соловьёва. И в этом вопросе король Александр шёл своим путем, можно сказать, путём синтеза идей св. Саввы и Штросмайера.

Было бы большой ошибкой и знаком поверхностности и недалёковидности пытаться объяснить стремление короля к объединению церквей его политическими целями. Нет, это стремление исходило из глубины его религиозности, поскольку эта религиозность была выше тех стен, которые разделяют религии, и которые, как мы уже говорили, не достигают небес. И ключ к пониманию его привлекательной и героической личности, к его деятельности, наполненной самопожертвованием и стремлением к высоким целям, мы можем найти только в религиозности самого короля.

Слава нашему государственному и духовному объединителю!

Слава крупнейшему последователю св. Саввы!

Слава мученику во благо своего народа и всего человечества!

Слава королю-витязю Александру, вечная ему память!

Библиографија

- Речи короля-визяя Александра I Объединителя / подготовили и опубликовали Р. Парезанин, Дж. Гаврилович. Београд, 1934.
- Немирович-Данченко В. И.* Друг России // Иллюстрированная Россия. 1934. № 43.
- Суворов Н. С.* Учебник церковного права. М., 1908.
- Зизикин М. О.* церковной самостоятельности в новейших построениях церковно-государственных отношений. Варшава, 1932.
- Лановћ М.* Конкордат Југославије са Ватиканом. Београд, 1925.
- Митровић-Мирољуб Љ.* О камени Темельцу Христове Цркве. Београд, 1931.
- Калоджере М., епископ.* Речь // Старокатолик. 1934. № 10. С. 5–6.
- Троицки С.* Међународна заштита религијских права // Архив за правнеи друштвене науке. 1925. Фебр/март.
- Троицки С.* Међународна правна способност цркве // Хришћ. Живот. 1926. Сентябрь.
- Троицки С.* Место Црквеного права на правним факултетима. Ср. Карловци, 1935.

Religious Policy of the King Alexander Karadjordjevic

Sergej V. Troitsky

Doctor of Canon Law, Professor of Moscow Theological Academy

For citation: Troitsky, Sergej V. "Religious Policy of the King Alexander Karadjordjevic". *Praxis*, vol. 2, no. 2, 2019, pp. 109–127

Abstract. The subject of restoration of its patriarchate after World War I is inseparably linked with a subject of autocephaly of the Serbian Orthodox Church. In this speech delivered in day of remembrance of Saint Savva in 1935, professor S.V. Troitsky analyzes confessional policy of the kingdom Yugoslavia and notes a role in this policy of the king Alexander Karadjordjevic (1888–1934).

Keywords: confessional policy, State and Church relations, Kingdom Yugoslavia, Serbian Orthodox Church, Alexander I Karadjordjevic.